

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 347.426:340.135(470+100)

A.A. Aryamov

LAWFUL INFLICTION OF DAMAGE UNDER CIRCUMSTANCES EXCLUDING THE CRIMINALITY OF DEED. SIMILARITIES AND DIFFERENCES OF RUSSIAN AND FOREIGN LEGAL STANDARDS

Andrey Aryamov – Professor, the Department of Criminal Law Disciplines, Russian State University of Justice, Doctor of Law, Full Professor, Saint-Petersburg; **e-mail: kaf-ugp@gief.ru.**

On the basis of historical and legal analysis the author explores the role of a victim in the mechanism of committing the crime and studies matters dealing with the impact and behavior of the victim upon liability of the offender. The research provides legal analysis of the full range of circumstances of lawful infliction of damage. The paper likewise presents comparative analysis of circumstances excluding the criminality of deed legally recognized by Criminal Code of the Russian Federation and similar circumstances enshrined in legislations of some foreign countries since criminal codes of a number of states have thus far contained such circumstances which are not available in the Russian legislation. In addition the author provides legal analysis of a list of circumstances concerning lawful infliction of damage.

Keywords: lawful infliction of damage; inflictor of damage; victim; crime; justifiable defense; extreme necessity; provocation; circumstances excluding the criminality of deed.

А.А. Арямов

ПРАВОМЕРНОЕ ПРИЧИНЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ, ИСКЛЮЧАЮЩИХ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ: СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Андрей Анатольевич Арямов – профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», доктор юридических наук, профессор, г. Санкт-Петербург; **e-mail: kaf-ugp@gief.ru.**

В статье на основе историко-правового анализа раскрывается роль личности жертвы в механизме совершения преступления, исследуется вопрос о влиянии личности и поведения потерпевшего на ответственность преступника. Также подвергается юридическому анализу весь перечень ситуаций правомерного причинения вреда. Проводится сравнительный анализ закрепленных в Уголовном кодексе РФ обстоятельств, исключающих преступность деяния, с подобными обстоятельствами, закрепленными в законодательствах ряда зарубежных стран, поскольку на сегодняшний день уголовному праву ряда государств известны такие обстоятельства, которые не учтены в отечественном законодательстве. Кроме того, в статье проводится правовой анализ перечня ситуаций правомерного причинения вреда.

Ключевые слова: правомерное причинение вреда; причинитель вреда; жертва; пре-

ступление; необходимая оборона; крайняя необходимость; провокация; обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Традиционно отечественная уголовно-правовая доктрина не уделяет должного внимания взаимоотношениям, складывающимся между субъектом преступления (причинителем вреда) и потерпевшим либо так называемыми «третьими лицами». Теория права под третьими лицами понимает персон, имеющих свои интересы в правоотношениях, субъектами которых они непосредственно не являются. Если цивилистика и процессуальные отрасли права весьма тщательно исследуют данный юридический институт, то уголовное право его фактически игнорирует. Более того, нельзя признать, что и фигура потерпевшего от преступления достаточно исследована в рамках отечественного уголовного права; она является предметом изучения криминологии и уголовно-процессуального права. Отношения же между субъектом преступления и потерпевшим обычно рассматриваются криминологами лишь в призме виктимологии, а уголовно-правовые аспекты этого явления не рассматриваются.

В то же время, несомненно, что взаимоотношения между преступником и потерпевшим (или третьими лицами) имеют важное уголовно-правовое значение: они подлежат обязательному учету и юридической оценке при квалификации преступлений, совершенных посредством использования зависимого состояния жертвы, преступлений, совершенных в состоянии сильного душевного волнения, преступлений, способом совершения которых являются понуждение или принуждение, в обязательном порядке они подлежат исследованию при рассмотрении случаев правомерного причинения вреда (необходимой обороны, задержания преступника, исполнения приказа и др. обстоятельств, исключающих преступность деяния).

Анализ роли жертвы в механизме совершения преступления, исследование вопроса о влиянии личности и поведения потерпевшего на ответственность преступника возникли на заре цивилизации и получили свое отражение в многочислен-

ных юридических и литературных памятниках. Широко известна речь эллинского философа-юриста Демосфена в защиту легендарного Ореста, который убил свою мать и отчима в отмщение за смерть своего отца Агамемнона. В свою очередь Агамемнон был убит женой Клитемнестрой в качестве мести за принесение в жертву богам собственной дочери Ифигении. Данная легенда, послужившая основой для сюжетов Эсхила, Эврипида, Софокла и т.д., наглядно демонстрирует динамику превращения жертвы в преступника и снова в жертву, и снова в преступника. В упомянутой речи Демосфен задался вопросом: всякое ли причинение вреда следует считать непозволительным, или из этого могут быть сделаны исключения [1. С. 76–79]? В данной легенде примечательна речь Аполлона, который утверждал, что причинение Орестом смерти Клитемнестре является воздаянием за учиненное злодеяние: «если не была наказана жена – убийца своего мужа, потому что сам убитый поступил жестоко с ее дочерью, то не следует наказывать и убийцу матери, ибо он поступил из законного чувства мести». Сам же Орест в обращении к суду богов был более категоричен: «Меня убейте и закон исчезнет, без страха люди будут убивать» [2. С. 417]. Изложенный миф и речь выдающегося древнегреческого юриста-философа явственно утверждают идею, что вина потерпевшего смягчает, или вовсе аннулирует ответственность причинителя вреда, ибо деяние последнего обусловлено поведением первого. Хорошо показана динамика состояний «преступник – жертва», «жертва – преступник»; одно и то же лицо последовательно пребывает то в одном, то в другом состоянии.

Институт мести в обычном праве также акцентирован на взаимоотношении потерпевшего и причинителя вреда [3. С. 34]. Обычай кровной мести, воспринятый многими правовыми системами, трансформировался со временем в юридический институт необходимой обороны (см.

Свод законов Хаммурапи, Законы 12ти таблиц, законы Ману, Дигесты Юстиниана и т.д.). Упомянутые законодательные акты содержали нормы, обуславливающие ответственность причинителя вреда небезупречным поведением пострадавшего (в частности, причинение вреда в обоюдной драке, необходимой обороне, при необоснованном обвинении, задержании преступника, убийство преступника, приговоренного к смертной казни и скрывающегося от правосудия, убийство любовника жены и т.д.) [4. С. 92, 128].

Средневековое русское право оригинально распространяет институт взаимоотношения потерпевшего и причинителя вреда на мошенничество: Ст. 112 Судебника 1589 г. гласит – «...а истцова иску не правити, потому что один оманывает, а другой погадывается, а не мечися на дешовое» [5. С. 53]. Т.е. согласно воззрениям средневекового русского законодателя излишняя доверчивость жертвы обмана способна реабилитировать мошенника.

На заре развития буржуазного права ненадлежащее поведение пострадавшего рассматривалось как его встречная провинность перед тем, кто причинил ему вред, что согласно гражданско-правовому институту прекращения обязательства зачетом встречного требования исключает ответственность причинителя вреда. Своеобразием подхода к обозначенной проблеме отличается английское Общее право. При решении вопроса об оценке поведения жертвы как смягчающего или реабилитирующего причинителя вреда обстоятельства английское право требовало от потерпевшего принятия таких мер предосторожности, которых можно было ожидать от любого «объективно разумного человека». Т.е. непринятие пострадавшим всех необходимых мер предосторожности могло смягчить или исключить ответственность причинителя вреда.

Действующее уголовное право зарубежных стран также уделяет внимание оценке поведения жертвы в призме квалификации действий правонарушителя. Так, в качестве смягчающего обстоятельства уголовные кодексы ряда стран признают просьбу пострадавшего о причине-

нии ему повреждений. Согласно ст. 76 УК Австрии в четыре раза сокращается ответственность за причинение смерти, если это произошло по просьбе потерпевшего. Также в силу ч. 1 ст. 90 УК Австрии «телесное повреждение не считается противозаконным, если потерпевший выражает на него свое согласие, и повреждение как таковое не противоречит хорошему тону». Ст. 64 УК Швеции устанавливает, что суд может вынести более мягкое наказание «если своим поведением пострадавший серьезно провоцировал преступника». Общепризнанным на сегодняшний день в уголовном законодательстве абсолютного большинства стран является институт аффекта, который структурообразующим признаком предполагает провоцирующее поведение жертвы. Уголовно-правовая оценка поведения потерпевшего и взаимосвязи отношения жертвы и причинителя вреда граничит с криминологическим институтом – виктимологией.

Небезынтересным, на наш взгляд, представляется освещение классического уголовно-правового института обстоятельств, исключающих преступность деяния, с нетрадиционной точки зрения – взаимоотношений между причинителем правомерного вреда и потерпевшим от его действий (либо третьими лицами). Такой подход к проблеме позволяет обнаружить в ординарных уголовно-правовых категориях ранее не исследовавшиеся моменты и заполнить «белые пятна», имеющиеся на сегодняшний день в рассматриваемом уголовно-правовом институте. Исследованию обстоятельств, исключающих преступность деяния, посвятили свои труды многие ученые-криминологи (библиографическая основа темы весьма широка: монографии В.Ф. Кириченко, Н.Н. Паше-Озерского, И.И. Слуцкого, В.И. Ткаченко, В.Н. Козака и т.д.), тем не менее, несмотря на пристальное к нему внимание, данный институт имеет множество «белых пятен» и проблемных аспектов.

Глава 8 УК РФ называется «Обстоятельства, исключающие преступность деяния». Исследованию этих обстоятельств в уголовном праве традиционно уделяется много внимания. Целая плеяда

авторитетных ученых-криминологов посвящала свои труды изучению института обстоятельств, исключая преступность деяния. Каждому правовому явлению должен соответствовать термин, четко соответствующий его содержанию. В качестве примера можно привести ст. 35 УК Узбекистана, которая содержит общее определение обстоятельств, исключая преступность деяния: «Исключающими преступность деяния признаются обстоятельства, при которых действие или бездействие, содержащее предусмотренные настоящим Кодексом признаки, не являются преступлением в виду отсутствия общественной опасности, противоправности или вины» [6. С. 75]. Не принимая во внимание содержательную сторону этого определения, обращаем внимание на уникальность самого присутствия подобной дефиниции в тексте уголовного закона. Представляется, что явлениям, урегулированным нормами гл. 8 УК РФ, термин «обстоятельства, исключая преступность деяния» не совсем соответствует. Логическое толкование данного термина позволяет заключить, что должны иметь место в целом преступные (общественно-опасные) деяния, но присутствие в них определенных обстоятельств исключает их из числа преступных. Анализ же норм гл. 8 УК РФ рисует несколько иную картину: в этой главе содержатся регулятивные, управомочивающие поощрительные нормы, уходящие юридическими корнями в ст. 45 Конституции РФ; ни о каком наличии предварительного запрета, подлежащего последующему снятию (законодательной основой правоприменительной декриминализации) речи не идет, а, следовательно, и о нормах-исключениях говорить не приходится. Таким образом, наблюдается картина несоответствия термина содержанию определяемого явления. Более уместным в данной ситуации будет выглядеть термин «правомерное причинение вреда». К такому же выводу приводит и логическое толкование текста отечественного уголовного закона: общественно-опасное деяние, лишившись характера преступности, порождает в качестве последствия –

не привлечение к уголовной ответственности; в таком случае положения гл. 8 УК РФ должны конкурировать с положениями гл. 11 УК РФ (и в том, и в другом случае наблюдается тождественное последствие – не привлечение лица к уголовной ответственности при совершении общественно-опасного деяния). Однако конкурировать могут лишь качественно однородные явления. Но даже поверхностный обзор обстоятельств, описанных в гл. 8 и 11 УК РФ, демонстрирует очевидность того, что в том и другом случае законодатель закрепил качественно различные институты (один регламентирует социально-полезные варианты поведения, а другой – освобождение от уголовной ответственности за совершение общественно-опасного деяния по не реабилитирующим основаниям).

Обозначенная проблема носит отнюдь не безобидный терминологический характер; использованный термин отражает позицию уголовно-правовой доктрины к определению явления. Академическим является определение обстоятельств, исключая преступность деяний, как «условий, при наличии которых деяния (действия или бездействия), формально предусмотренные нормами Особенной части уголовного закона, не образуют преступления» [7. С. 227]. Получается: форма уголовно-правового запрета противоречит правомерному содержанию, что противоречит диалектическому закону соответствия формы и содержания. Обязательным признаком преступления является его общественная опасность (это закреплено в законодательной форме – ч. 1 ст. 14 УК РФ и выступает в качестве элемента содержательной характеристики преступности). Необходимая оборона, крайняя необходимость и т.д. в силу своей социальной полезности и правовой дозволенности ни по форме, ни по содержанию не может соответствовать признакам преступления. Таким образом, ни термин, ни дефиниция, присутствующие в доктринальном уголовном праве, не соответствуют содержанию определяемого явления

Более оптимальным представляется наименование исследуемого явления как

правомерное причинение вреда и его определение следующим образом – это волевые деяния, посягающие на охраняемые уголовным законом интересы, которые в силу своей общественной полезности или социальной нейтральности не представляют опасности для общества и в силу чего дозволены законодателем. Все ситуации правомерного причинения вреда соответствуют шести условиям: а) имеет место причинение ущерба охраняемым уголовным законом отношениям (жизни, здоровью, собственности и т.д.); б) вред причиняется при обстоятельствах, которые превращают их из общественно-опасных в общественно-полезные, либо социально-нейтральные; в) законодатель предъявляет к этим обстоятельствам конкретный перечень требований-условий, и круг данных обстоятельств определенно очерчен в уголовном законе (проблема исчерпываемости законодательного перечня ситуаций правомерного причинения вреда будет нами рассматриваться в дальнейшем); г) любое из этих обстоятельств исключает противоправность и наказуемость деяния, в котором оно нашло свое выражение; д) все они проявляются в волевом поведении физических лиц – деянии (т.е. действии или бездействии); е) их исполнители – физические и вменяемые лица, достигшие возраста уголовной ответственности. Каждое из рассматриваемых обстоятельств характеризуется специфичным взаимоотношением между причинителем вреда и потерпевшим от его действий, и фактическое поведение первого и его юридическая оценка зависят от поведения второго (так, в зависимости от поведения задерживаемого оценивается правомерность причинения ему вреда задерживаемым, более того, лишь само наличие задерживаемого делает возможным само существование задерживающего) – данный феномен можно рассматривать в качестве *психолого-поведенческой взаимоотноеночной основы* исследуемого института (оценка поведения одного осуществляется сквозь призму оценки поведения другого). Почти все из них обусловлены реакцией причинителя на внешний фактор, возникающий помимо его воли; и

лишь причинение вреда в ситуации обоснованного риска обуславливается поведением самого причинителя вреда. Исключительность упомянутого вида правомерного причинения вреда подтверждается также тем фактором, что во всех иных случаях вред причиняется осознанно (его причинение характеризуется аспектами сознания и предвидения – феномен квазиумысла – т.к. умысел, как форма вины не может характеризовать непреступное поведение), применительно же к обоснованному риску данный признак не свойственен. Рассматриваемые обстоятельства являются выражением диалектического закона единства и борьбы противоположностей – посредством причинения частного вреда достигается общественное благо (противоположности «вред» и «благо» объединены единством части и целого). Данный феномен можно рассматривать в качестве *философской основы* уголовно-правового института правомерного причинения вреда.

Законодательный перечень ситуаций правомерного причинения вреда ограничен: необходимой обороной, крайней необходимостью, причинением вреда при задержании преступника, физическим или психическим принуждением, обоснованным риском и исполнением приказа или распоряжения. В теории уголовного права одни авторы (профессоры А.А. Пионтковский и М.Д. Шаргородский) предлагают дополнить этот перечень такими обстоятельствами, как: согласие потерпевшего на причинение ему вреда, причинение вреда при отправлении профессиональных функций, причинение вреда при реализации субъективного права либо исполнения юридической обязанности (в принципе, эта идея не нова в отечественном праве – вниманию читателей ее предлагал в своих трудах классик русского уголовного права Н.С. Таганцев). Разделяя данную точку зрения, подвергнем юридическому анализу весь приведенный перечень ситуаций правомерного причинения вреда; умалчивание законодателя о некоторых из них не превращает их в несуществующие и не освобождает от их теоретического изучения и правовой оценки в

практической деятельности.

С точки зрения общей теории права принято говорить о таком явлении, как состав преступления – достаточно схематичная конструкция, при множестве недостатков которой она прекрасно выполняет функцию систематизации уголовно-правовых знаний. В этом же аспекте вполне можно говорить и о составе правомерного поведения, в частности, о составе правомерного причинения вреда, под которым следует понимать структуру объективных и субъективных признаков, характеризующих институты главы 8 УК РФ. Помимо общепринятых элементов: субъект, объект воздействия, субъективная сторона и объективная сторона; состав правомерного причинения вреда в качестве обязательных элементов включает также: объект охраны (обеспечения) и фактическое основание возникновения. Так, при необходимой обороне объектом охраны являются собственные блага или блага третьих лиц, фактическим основанием возникновения права на оборону служит общественно опасное, действительное, наличное нападение со стороны физического лица.

Так, в соответствии с ч. 3 ст. 13 УК Дании по правилам о необходимой обороне рассматриваются ситуации причинения вреда при исполнении приказа и при задержании преступника [8. С. 23].

При рассмотрении различных форм проявления правомерного причинения вреда мы сознательно игнорируем такой институт, как причинение вреда в результате психического или физического принуждения (ст. 40 УК РФ). Полагаем, что он не имеет самостоятельного значения. В одном аспекте (ч. 1 ст. 40 УК РФ) он есть ни что иное, как частный случай проявления института форс-мажора (непреодолимой силы); в другом аспекте (ч. 2 ст. 40 УК РФ) он – частный случай проявления института крайней необходимости. В соответствии с принципом экономии места закона, отечественному уголовному законодателю целесообразно отказаться от закрепления названного института. В то же время следует отметить, что уголовное законодательство ряда государств закреп-

ляет институт причинения вреда под принуждением. Так, ст. 40.00 УК штата Нью-Йорк закрепляет положение, согласно которому не является преступлением ситуация, когда «обвиняемый совершил запрещенное поведение под принуждением применения или реальной угрозы применения физической силы к нему или третьему лицу, которой лицо, обладающее разумной твердостью, находясь в его положении, не могло бы противостоять». При этом заслуживает внимание требование, что оправдание принуждением не имеет юридического значения если «лицо само намеренно или по неосторожности, ставит себя в положение, в котором возникла вероятность того, что оно будет подвергнуто принуждению» [9. С. 116]. Представляется допустимым и для отечественного законодателя закрепить оговорку правомерности причинения вреда под принуждением подобным требованием добросовестности поведения причинителя вреда.

Уголовное законодательство ряда государств включает в перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, ряд факторов, которые не известны отечественному законодательству. Однако мы воздержимся от включения их в разряд форм правомерного причинения вреда. Дело в том, что российское уголовное право четко разграничивает обстоятельства, исключающие преступность деяния, и обстоятельства, освобождающие от уголовной ответственности. Эти институты различны по своим основаниям, последствиям, процедурным формам и т.д. Большинство правовых систем такого разграничения не знают. Таким образом, не всякое реабилитирующее обстоятельство может быть рассмотрено как форма правомерного причинения вреда. Так, ст. 36 УК Узбекистана относит к разновидности обстоятельств, исключающих преступность деяния (правомерное причинение вреда), малозначительность деяния, что явно должно относиться к характеристике иного уголовно правового института – общественной опасности преступления [10. С. 76].

В современных условиях, характеризующихся не совсем чистоплотным пове-

дением представителей правоохранительных органов России при отпращивании своих профессиональных функций (например, целая серия нашедших уголовных дел о коррупции в правоохранительных органах и т.д.), особую актуальность приобретает проблема так называемой «провокации преступления»; причем, не столько в аспекте ответственности провокатора, сколько в аспекте ответственности спровоцированного. Американское уголовное законодательство обозначенную ситуацию именуется термином «вовлечение в ловушку». Ст. 40.05 УК штата Нью-Йорк закрепляет правило, согласно которому в любом случае не является преступлением «если обвиняемый совершил преступление в силу того, что его побудил или подстрекал к этому публичный служащий или лицо, действующее совместно с публичным служащим, стремящимся добыть доказательства, направленные против него, с целью уголовного преследования, если способы получения доказательства были такими, что создавали значительный риск того, что это посягательство было совершено лицом, в противном случае не склонным к его совершению; при этом подобное побуждение и подстрекательство должно быть активным, простое предоставление лицу возможности совершить посягательство не составляет вовлечения в ловушку» [9. С. 116]. Таким образом, фиксируется правило: преступность действий чиновника-провокатора нейтрализует преступность причинения вреда спровоцированного. Закрепление в отечественном уголовном законодательстве рассматриваемого института очевидно необходимо. Оно позволит устранить неопределенность следующей ситуации: как относиться к спровоцированному причинителю вреда – как к преступнику, или жертве полицейского произвола? В изученных нами процессах по делам, связанным с провокационными действиями правоохранителей, правоприменительные органы столкнулись с парадоксальной ситуацией, когда один и тот же человек в отношении одного и того же факта причинения вреда выступал одновременно и в качестве обвиняемого (под-

судимого) как причинитель вреда, и в качестве потерпевшего от превышения служебных полномочий сотрудниками полиции. Несмотря на очевидную актуальность института причинения вреда под воздействием провокации, отсутствие теоретических и прикладных исследований в этом направлении в России сохраняют за ним статус экзотического юридического института в отечественном уголовном праве. Попытку рассмотреть данную ситуацию с противоположной точки зрения, с позиции интересов чиновника-провокатора предприняло законодательство ряда государств. Целью этих законодательных новелл является легитимация действий чиновника-провокатора и возложение ответственности за причиненный вред на спровоцированное лицо. Эстонский законодатель для регламентирования такого явления использует термин «имитация преступления», содержание которого сводится к следующему: «Не является преступлением действие, хотя и подпадающее под признаки деяния, предусмотренного настоящим кодексом, но направленное на выявление преступления или личности преступника и совершенное лицом, уполномоченным компетентным государственным органом имитировать преступление» (см. ст. 13-2 Уголовного кодекса Эстонской республики) [11. С. 47]. Во избежание взрыва полицейского произвола в нашем государстве представляется нецелесообразным закрепление подобного института в отечественном уголовном праве. В противном случае правоохранительные органы плавно перейдут от практики раскрытия реально совершенных преступлений к практике кары имитированных деяний, мотивируя свои действия примитивной аксиомой: «вор должен сидеть в тюрьме». (Любопытно, что данный лозунг весьма популярен среди работников органов охраны общественного порядка, в качестве плаката он висит на стенах многих служебных кабинетов; он позаимствован из популярного телесериала, который в целом направлен именно на его опровержение).

Весьма примечательно законодательное положение, закрепленное в ст. 32 УК

Грузии, согласно которому «не являются противоправными действия лица, совершившее предусмотренное настоящим кодексом деяние при наличии иных обстоятельств, которые в настоящем кодексе прямо не упоминаются, но вполне удовлетворяют условия правомерности этого деяния» [12. С. 105].

Представляется, что наличие такого «резинового» института в уголовном законе создает реальные предпосылки для судебного произвола, направленного на торжество принципа безответственности. С точки зрения правил законодательной техники в уголовном законе должен быть исчерпывающе определен как объем наказываемых составов преступлений, так и объем обстоятельств, исключающих преступность причинения вреда.

Популярные на рубеже XIX–XX вв. дискуссии об уголовной ответственности под воздействием гипноза приобрели новое звучание в конце XX в. В качестве законодательного отражения этих теоретических споров явилось закрепление в ряде уголовных кодексов как разновидности правомерного причинения вреда нарушение закона под сильным психическим или нервно-психическим воздействием. Такой институт закрепляет ст. 122-1 УК Франции [13. С. 79]. Однако в отечественном уголовном праве подобные ситуации традиционно рассматриваются в рамках института состава преступления – в аспектах вменяемости и невиновного причинения вреда.

Болгарский законодатель наряду с прочими обстоятельствами, исключающими преступность деяния, рассматривает казус – случайное причинение вреда (см. ст. 15 Уголовного кодекса республики Болгария) [14. С. 35]. Однако в соответствии с традициями отечественного уголовного права данное обстоятельство принято рассматривать как элемент института субъективной сторон состава преступления. Мы полагаем, что не каждое отсутствие определенного признака состава преступления следует рассматривать как обстоятельство, исключающее преступность деяния. В соответствии с принципом непересекаемости уголовно-

правовых институтов каждый из перечисленных институтов вполне автономен.

Ст. 3 гл. 24 УК Швеции закрепляет достаточно актуальное, но не традиционное для отечественной правовой системы обстоятельство правомерного причинения вреда: «В случае мятежа или во время боевых действий, а также в случаях, когда преступление против военной дисциплины представляет особую опасность, вышестоящий военнослужащий может в отношении подчиненного, который оказывает неповиновение, использовать силу, необходимую для обеспечения подчинения». Ст. 5 гл. 24 УК Швеции устанавливает институт правомерного причинения вреда при оказании содействия чиновнику полиции, действовавшему в пределах своей компетенции [15. С. 198].

Ст. 43 УК Украины предусматривает такую специфическую форму причинения вреда как «выполнение специального задания по предупреждению или раскрытию преступной деятельности организованной группы или преступной организации» [16. С. 43–44].

Традиционно в Российском уголовном праве подобные ситуации рассматриваются в рамках институтов крайней необходимости и задержания преступника; хотя очевидно, что многие аспекты данного явления выходят за границы рассматриваемых институтов. С другой стороны, некоторые признаки крайней необходимости и причинения вреда при задержании преступника не характерны для этого обстоятельства. Со свойственной российскому уголовному праву «щепетильностью», с учетом не широкого распространения рассматриваемого явления, в целях избежания упреков в отстаивании основ полицейского государства – исследуемое обстоятельство проигнорировано и в уголовном законе, и в уголовно-правовой доктрине. Весьма экзотическим является предусмотренная ст. 6 гл. 24 УК Швеции такая форма правомерного причинения вреда, как превышение лицом своих правомочий в ситуации, когда обстоятельства были таковы, что ему трудно было успеть обдумать свои действия [15. С. 199].

Австралийский законодатель в каче-

стве формы правомерного причинения вреда закрепляет непреднамеренное опьянение: «Лицо освобождается от уголовной ответственности за преступление, если его поведение, составляющее преступление, явилось следствием не добровольно вызванного состояния опьянения» (См. ст. 8.5 Уголовного кодекса Австралии) [17. С. 67]. Учитывая Российские традиции потребления спиртного, закрепление в отечественном уголовном праве данного обстоятельства представляется явно избыточным.

В заключение отметим, что изучение обстоятельств, исключаящих преступность деяния, позволит глубже понять их значение и уяснить социальную сущность. Впрочем, это уже задача для будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аристотель*. Афинская политика. М., 1937. С. 76–79.

2. *Кун Н.А.* Легенды и мифы древней Греции. М., 1955. С. 417.

3. *Чельцов-Бебутов М.А.* Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. М., 1957. С. 34.

4. *Черниловский З.М.* История рабовладельческого государства и права. М.,

1959. С. 92, 128.

5. *Антимонов Б.С.* Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении. М., 1950. С. 53.

6. Уголовный кодекс республики Узбекистан. СПб., 2001. С. 75.

7. Российское уголовное право. Часть Общая / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 1997. С. 227.

8. Уголовный кодекс Дании. СПб., 2001. С. 23.

9. Уголовный кодекс штата Нью-Йорк // Уголовное законодательство зарубежных стран. М., 1998. С. 116.

10. Уголовный кодекс республики Узбекистан. СПб., 2001. С. 76.

11. Уголовный кодекс Эстонской республики. СПб., 2001. С. 47.

12. Уголовный кодекс Грузии. СПб., 2002. С. 105.

13. Уголовный Кодекс Франции. СПб., 2002. С. 79.

14. Уголовный кодекс Республики Болгария. СПб., 2001. С. 35.

15. Уголовный кодекс Швеции. СПб., 2001. С. 198.

16. Уголовный кодекс Украины. СПб., 2001. С. 43–44.

17. Уголовный кодекс Австралии. СПб., 2002. С. 67.